

СКИФЫ И СКИФСТВО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н.М. Солнцева

Автор статьи рассматривает историю скифов как распространенную тему русской литературы, геополитических и философских концепций, равно как и новый миф XX века.

The author of this article considers Scythian history as popular theme of Russian literature, geopolitical, philosophical conceptions, new myth of XX century as well.

Ключевые слова: версия, история, миф, поэзия, скиф, тема,

Key words: history, myth, poetry, Scythian, theme, version

Скиф – один из многих мифов, вызревших в художественном сознании 1910 – 1920-х гг. Древние скифы попали в поле творческих интенций как тех, кто принадлежал к скифскому кружку Р.В. Иванова-Разумника, так и тех, кто к нему не имел никакого отношения. В той или иной степени тема скифа встречается в художественных текстах, статьях, письмах А. Ахматовой, К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Бунина, Э. Германа, З. Гиппиус, Р. Гуля, Н. Гумилева, С. Есенина, Ф. Зелинский, Вяч. Иванова, Н. Клюева, Е. Кузьминой-Караваевой, Б. Лившица, О. Мандельштама, Д. Пинеса, Ф. Сологуба, О. Форш, В. Хлебникова, М. Цветаевой, Г. Шенгели и др.

Плодотворным источником информации была «История» Геродота. Обратиться к бытовой и политической жизни скифов побуждала популярность античной культуры в целом. Но несомненно и то, что интерес к скифам вспыхнул в связи с раскопками курганов на территории Российской империи. Археологические изыскания велись с 1763 г., особенно впечатляющими оказались раскопки степного кургана Солоха около Никополя в 1912 – 1913 гг. под руководством профессора Петербургского университета Н.И. Веселовского. До никопольских изысканиями появился труд А. Нечволодова «Сказания о Русской Земле» (1909 – 1911), в котором автор, полагавший, что именем скифов греки «уже с древнейших времен

обозначали славянские племена» [16:1, 14] , и ссылавшийся на греческий источник, согласно которому Ахиллес был чистокровным скифом, родившимся на берегах нынешнего Азовского моря и изгнанным оттуда за необузданный нрав, описал Ахиллеса как скифа-славянина с родины Донского казачества. И сегодня скифологи отмечают популярность культа Ахилла в северо-западном Причерноморье. Среди скифских черт героя отмечаются голубые глаза, покрывало одежды, ярость в бою и проч.

В Серебряном веке и в 1920-е гг. специалисты связывали исторические судьбы восточных славян и скифов – ираноязычного народа, который в VII в. до н.э. пришел из Азии в северное Причерноморье, вытеснил урало-алтайских киммерийцев, через несколько столетий был завоеван сарматами. Во II – III вв. н.э. в Черноморье пришли готы, их сменили гунны, сложилась Гуннская империя IV – V веков, славяне участвовали в войне на стороне гуннов; после распада империи образовались державы Аварская, Хазарская и западных турок; позже возникло Болгарское царство, от Дуная до Каспийского моря – Славяно-Русская империя Святослава, далее Киевское княжество утратило степи и Приазовье, а далее – долгая история возврата этих земель России.

В Петрограде в 1918 г., накануне эмиграции автора, вышел труд антиковеда, профессора Петербургского университета, основателя отдела археологии Эрмитажа М.И. Ростовцева «Эллинство и иранство на юге России», в котором содержался вывод о славянских племенах как наследниках скифов. В 1927 г. в пражском «Евразийском издательстве» вышла книга Г.В. Вернадского «Начертание русской истории», где было сказано: « <...> историческая подпочва Русского государства создана была скифами» [7:47]. О наследовании славян скифам писали и советские ученые; академик Н.С. Державина, автор книг «Происхождение русского народа – великорусского, украинского, белорусского» (1944), «Славяне в древности: культурно-исторический очерк» (1946), акцентируя внимание на непрерывности населения от Моравии до Среднего Приднепровья, поречья

Десны, Дона с эпохи верхнего палеолита, отмечал: «<...> *кимеры* и *скифы* продолжают жить до наших дней в русском, украинском и белорусском языках» [9:17]. Славянство и скифская культура – тема современных исследований; в одном из них читаем: «Возможно, славянами были и “скифы-пахари”» [19:17]. Но сама версия о славянах-скифах высказывалась задолго до Серебряного века. Отождествлял предков славян со скифами автор «Скифской истории» (1692) – московский стольник Андрей Лызлов.

Эта версия обладала колоссальным мифологическим потенциалом. Гуманитарии – писатели, художники, мыслители – придали ей статус аксиомы. В. Розанов, в 1902 г. рассуждая о благоразумном, лишенном излишеств стиле Карамзина, сравнивал его тексты с римской тогой, которую «добрый скиф накидывает на плечи варваров и варварства»; по мысли Розанова, Пушкин убрал кое-какие римские черты русской тоги, «он пошевелил под нею плечами скифа; он вообще догадался, что мы – скифы», он в этом скифе открыл «сокровища», которых не было в Капитолии; причем Пушкин – скиф, в котором русское выразилось в «совершенной естественности» и возвеличилось до «высочайшей общечеловечности», таков он в «Играй, Адель, не знай печали...» [20:121, 122]. Скифский тип современника ассоциировался со стихийностью, максимализмом, вольностью, антибуржуазностью. Н. Бердяев говорил А. Бахраху: «Я вижу в Пикассо порыв против грядущего царства мещанства, к которому ведет и капитализм, и социализм. В нем меня также прельщает, что человек латинской культуры, по рождению испанец, ощущает в себе нечто “скифское”, а ведь это близкий мне русский соблазн...» [2:417]. М. Цветаева в рассказе «Чудо с лошадьми» (1934), адресованном франкоязычной аудитории, отождествляла русских – по их качествам – со скифами и сарматами. Герой «Пушечного мяса» (1920) И. Шмелева призывал русских эмигрантов противостоять большевикам: «Скифы, на ме-сто!», «Тевтоны размяли бы галлов и англосаксов в мякиш, если бы не глупые бараны – скифы!» [VIII, 524]. Скифом называл себя увлеченный Геродотом и со

вкусом его цитировавший С. Есенин. 24 июня 1917 г. он писал А. Ширяевцу о том, что их «крестьянская купница» – «скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова», а петербургские писатели – «романцы» [21:70]; в «Ключах Марии» (1918) он расшифровывал символ конька на крыше крестьянского дома как скифскую мистерию кочевья; в 1920 г., анализируя в «Быте и искусстве» (1920) скифские одежды, он писал о характерной «причинности» их снаряжения: «<...> перед вами невольно встает это буйное, и статное, и воинственное племя» [22:277]. Частое местоимение в теме скифа – *мы* или *нам*, *нас*. В стихотворении Вяч. Иванова «Скиф пляшет» (<1902>) читаем: «Нам, нестройным, – своеволие! / Нам – кочевье! Нам – простор! / Нам – безмежье! Нам – раздолье!», «В нас заложена алчба / Вам неведомой свободы» [10:75, 76]. У К. Бальмонта в «Скифах» (1899): «Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов, / Только воля одна нам превыше всего дорога», «Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагреем, / И бесстрашно насытим мы алчные души свои» [1:151]. О молодых скифах, соблазняющих амазонок, В. Хлебников в «Семеро» (1912) писал: «Мы предстанем перед ними, / Как степные скакуны» [25:80].

Скифский характер русских XX в. – тема Р.В. Иванова-Разумника. В статье «Скифы» (1917) он перечислял исторические черты скифа – «человека чернозема», «вольной степи», упорного, сильного, дерзкого и дерзающего, победного: «Нет цели, против которой побоялся бы напречь лук, он, скиф!» [23:VII]. В этом портрете явные черты, актуальные для 1917 г.: для скифа нет «скопческих запретов клириков», как и «лицемерных запретов политиков», он чужой в «мещанской крикливой толпе» [23:VIII]. Иванов-Разумник писал и о том, как со временем обезобразилось лицо бывшего скифа рабьей кровью и каким одиноким скифом себя чувствовал в годы войны «тесный кружок близких по духу людей», но «февральские дни до дна растопили это чувство», скифство пробудилось в современниках: «К самым заветным целям мы сразу, неукротимым движением продвинулись на полет

стрелы, на прямой удар. Наше время настало...» [23:IX]. В отличие от исторической скифологии, в литературе актуализировалось и романтизировалось духовное скифство, которое, по Иванову-Разумнику, надо понимать как народничество – бунтарское, обращенное к первородным силам, оппозиционное западничеству, но не отталкивающее Запад. Иванов-Разумник – нерв скифской группы, создатель (совместно с А.И. Иванчиным-Писаревым, С.Д. Мстиславским, А. Белым) двух альманахов «Скифы» (1917, 1918). В «Скифах» публиковались А. Аврамов, А. Белый, В. Брюсов, А. Ганин, С. Есенин, Е. Замятин, Н. Клюев, С. Мстиславский, П. Орешин, М. Пришвин, А. Ремизов, А. Терек, В. Фигнер, Л. Шестов; в скифский кружок входил А. Блок; кружку были близки Вс. Мейерхольд, А. Лурье, Б. Кушнер.

Иванов-Разумник нашел сочувствие у левых эсеров, чему посвящен труд Я.В. Леонтьева «“Скифы” русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики» (2007). Новые «скифы» публиковались в левоэсеровских газете «Знамя Труда» и журнале «Наш Путь». Как говорил Иванов-Разумник: «Кружок “Скифов”, “Знамени Труда”, “Нашего Пути”» [17:84]. Его альманахи «не аполитичны», но и «не партийны» [17:58], и в этом он настоящий «скиф». Он вел полемику с социал-демократами и потом с большевиками [24:150 – 186], но, примкнув к идеологии народничества, он «не пошел в партию, в то время политически его выражавшую, – в партию социалистов-революционеров» [11:121]. После ее раздела он был на стороне левых, которые, очевидно, склонны были и себя воспринимать вольными скифами: берлинское издательство «Скифы» (1920) начало работу с издания книг левоэсеровской направленности, читинское издательство «Скифы Дальнего Востока» (1921) было организовано левыми эсерами.

Любопытное совпадение, характеризующее смену политических и культурных эпох: одновременно с развалом скифской группы, вызванным арестом «скифов» в связи с разгромом левых эсеров, постепенно угасала и скифская археология. Однако скифство как духовное состояние, как представление о русской ментальности не угасло. Например, для Клюева в

1930-е гг. оно стало символом противостояния Советской власти: «Но дивный Спас! / Змею копытя, / За нас, пред ханом павших ниц, / Егорий вздыбет на граните / Наследье скифских кобылиц!» («Песнь о великой матери», между 1929 и 1934. [12:779]).

Духовный скиф – настолько содержательное и принципиальное понятие в 1910 – 1920-е гг., что в письмах, статьях, докладах появлялись суждения о подлинных «скифах» и тех, кто не вместил в себя всей скифской природы. Например, в духовном скифстве было отказано Брюсову – автору опубликованного в первом номере «Скифов» стихотворения «Древние скифы» (1916), уже первая строка которого «Мы – те, об ком шептали в старину» как раз выражает мысль поэта о наследии русскими скифства; есть там стихийность, природность, мощь («Мы ужасали дикой волей мир», «Лелеяли нас вьюги да мороз; / Нас холод влек в метельный вихрь событий», «Дни битв, охот и буйственных пиров», «Неистово-восторженные гимны» [6:II, 248]). Но Иванов-Разумник за многими историко-культурными фактами (скифы у Брюсова, как и у Геродота, – сыны Геракла, упомянуты их походы «В верховьях Тигра иль в низовьях Истры», война с Дарием, отношения с Киrom, есть там и ячменное вино, и курганы, и пляски, и «суровый жрец», и жестокое обращение с рабами, и изделия из серебра и проч. [II, 248 – 249]) не различил в стихотворении настроения своего времени. В его докладе о Блоке, прочитанном на заседании Вольфины 28 августа 1921 г., прозвучало: «Кстати сказать: в первом сборнике было напечатано стихотворение Валерия Брюсова “Скифы”, и тогда мы говорили с Александром Александровичем, насколько эти брюсовские “Скифы” мало подходят к духу сборника (насколько мало подходят, что, печатая их, мы, редакция сборника, сами переименовали их в “Древних скифов” – так и было напечатано), говорили и о том, какие “Скифы” должны бы были быть напечатанными, чтобы скифы были скифами, не “древними”, а вечными. А.А. Блок вспомнил об этом разговоре тогда, когда в начале восемнадцатого года дал мне прочесть только что написанных своих “Скифов”» [17:84].

Брюсовское название этого стихотворения – «Мы – скифы», и ему созвучен блоковский мотив «Да, скифы – мы!» [4:III, 360]. В 1899 г. Брюсовым уже было написано стихотворение под названием «Скифы», в котором также была развита тема преемственности: «Если б некогда гостем я прибыл / К вам, мои отдаленные предки»; лирический герой природен историческим скифам: «Словно с детства я к битвам приручен! / Все в раздолье степей мне родное! / И мой голос верно созвучен / С оглушительным бранным воем» [6:I, 152]. Стихотворение было написано в московском Историческом музее; вдохновившись изображением древних скифов, поэт в черновой рукописи отметил, что эти стихи и о прошедшем, и о будущем. Таким образом, задолго до появления скифской группы Брюсов и применительно к Скифии высказал свою историческую версию о целостности цивилизации, о единстве эпох, которую потом развернул в эссе «Учители учителей», написанном в год выхода первого альманаха Иванова-Разумника. Верой в родство и преемственность эпох объясняются и «Грядущие гунны» (1904 – 1905), и «Магистраль» (1924), и лояльность к Советам. И тем не менее Иванову-Разумнику не хватило в «Древних скифах» актуальности.

Но вот парадокс: «скиф» Е. Замятин в статье «Скифы ли?» (1918) увидел лжескифа в самом Иванове-Разумнике. Замятин считал, что тот изменил скифской свободе, что его скифский лук теперь на службе, а вольница марширует под звуки духового оркестра. Используя оппозицию Иванова-Разумника «скиф – мещанин», Замятин увидел мещанина в лидере «Скифов» – и все потому, что тот, с точки зрения Замятина, не выносит инакомыслия. Причина обвинений в том, что Иванов-Разумник в статье «Две России» упрекнул А. Ремизова как автора «Слова о погибели Русской земли» (оба текста опубликованы в «Скифах» 1918 г.) за мещанский испуг перед революцией. Примечательно, что 12 сентября 1921 г. Б. Пильняк, близкий к скифству, писал Замятину: «Будем “скифствовать” до белого каления!» [5:95].

Скифство стало и эстетическим критерием, им Есенин руководствовался, когда судил о поэтике. В мае 1921 г. он, дистанцируясь от «скифов» Блока, Клюева, Замятина, писал Иванову-Разумнику: «Не люблю я скифов, не умеющих владеть луком и загадками их языка. Когда они посылали своим врагам птиц, мышей, лягушек и стрелы, Дарию нужен был целый синедрион толкователей. Искусство должно быть в некоторой степени тоже таким» [21:101]. По Есенину, настоящая скифская природа должна побуждать писателя к ассоциативности, к языку тропов. Этот и подобные отзывы, особенно о Блоке и Клюеве, не вызывали у Иванова-Разумника сочувствия. Блоковские «Скифы»(1918) для него – наиболее точное выражение духовного скифства. Стихотворение должно было появиться в третьем – не вышедшем – альманахе «Скифов».

И Иванов-Разумник, и А. Белый, интерпретируя блоковских «Скифов», акцентировали внимание на опасениях поэта за революцию, что видно из их вольфиловских докладов от 28 августа 1921 г.: с поражением России в войне встает угроза западной контрреволюционной и одновременно материалистической идеологии и ослабления духовного скифства, стихийности мирового процесса. Блок сам в этом контексте писал в дневнике о европейской «буржуазной сволочи» [4:VII, 318]. Но в его «Скифах» выразились и острое чувство национального позора, и сарказм по отношению к европейскому снобизму. Стихотворение написано 30 января 1918 г., а 11 января он записал в дневнике: «Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним» [4:VII, 317]. Блок высказал в «Скифах» свое понимание геополитической роли России, которое укладывается в контекст изданной в Петербурге в 1913 г. книги «Индоевропейцы» О. Шрадера, немецкого лингвиста и историка, профессора, авторитетного исследователя этногенеза индоевропейцев, высказавшего свою точку зрения на их праарийскую родину. Белый в упомянутом выше докладе рассматривал стихотворение Блока как раз в свете исторической версии Шрадера.

Мотивный ряд «Скифов» дает основание предполагать знакомство и их автора с «Индоевропейцами».

Отметим существенные для понимания текста Блока позиции из книги Шрадера. Во-первых, в ней приведен добротный восточнославянский материал. Шрадер использовал как скифскую коллекцию петербургского Эрмитажа, так и артефакты провинций, в том числе собранные летом 1907 г. в Олонецкой губернии, где он гостил в усадьбе языковеда, академика Ф.Ф. Фортунатова. Во-вторых, Шрадер, стремясь к научной объективности, использовал методики лингвистической палеонтологии, археологии, этнографии, даже ботаники, зоологии и проч. В-третьих, он вступил в полемику с нордическими версиями родины праарийцев. Так, немецкий антрополог К. Пенка в книге «Происхождение ариев» (1883) утверждал, что чистокровными ариями являются северные германцы и скандинавы. Пенка был не одинок. К слову, в 1890 г. вышла книга английского антрополога И. Тейлора «Происхождение арийцев. Доисторический человек», в которой говорилось о кельтах и славянах как расах, наиболее приближенных к праарийскому типу. В России ее издали в 1897 г., и, казалось, она должна была возбудить мифотворческие интенции Серебряного века, но российская интеллигенция была далека от расовых проблем. В записных книжках Блока среди купленных в 1901 – 1902 гг. Тейлор упомянут, но идет ли речь об антропологе И. Тейлоре или историке Э. Тейлоре? В именном указателе обозначен последний. Шрадер спорил с теми, кто считал родиной праарийцев побережья Балтийского и Немецкого (Северного) морей, хотя и понимал, насколько его вывод не отвечал «льстящей немецкому народному тщеславию теории о северно-европейском происхождении всех вообще индоевропейцев» [29:195]. В-четвертых, он считал, что родина индоевропейского потока – северные от Черного моря территории. Потому Белый в своем докладе говорил о России как о первичной целине. По Шрадеру, из народа, населявшего северные причерноморские степи и северное побережье Каспийского моря, то есть из праарийцев, вышли как

восточные индоевропейцы, иначе арийцы (это скотоводы, отправившиеся на восток по течению Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи), так и западные индоевропейцы, совмещавших земледелие и скотоводство. Язык скифов, населивших территории первичных индоевропейцев, близок языку арийцев, о чем, с точки зрения Шрадера, говорят слова, заимствованные у скифов в финском и славянском языках. Праарийцы по внешним признакам более соответствуют типу северянина, чем южанина, они «скорее высокорослы, чем малорослы, светловолосы, нежели чернявые» [29:32]. По описанию современного скифолога В.И. Гуляева, скифы «явные европеоиды без каких-либо признаков “азиатчины”» [8:21].

На картине В. Васнецова «Битва русских со скифами» (1881) в лицах скифов нет явных монголоидных черт, которые, например, показаны в работе С. Конёнкова «Голова скифской девушки» (1917). По Иванову-Разумнику, скифы лишь по воле войн брошены с запада в пространства азиатских племен, «желтолицых, узкоглазых» [23:VIII]. Блок опоэтизировал в русских скифские черты. Однако азиаты ли это скифы? Не азиаты и не варвары. 11 января 1918 г. он сделал запись, обращенную к западным европейцам – политическим антагонистам: «А на морду вашу мы взглянем нашим *косящим*, лукавым, быстрым взглядом; *мы скинемся азиатами* <...>» [4:VII, 317]. Или: «Мы – варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары» [4:VII, 317]. И «азиатская рожа», и «узкие глаза» [4:III, 362] – лишь коварный ответ Европе, видевшей в русских азиатов. Граница Европы и Азии в «Скифах» – Урал. Во времена античности все, что за Доном (Танаисом), – это Азия. Это видно и из «Прометейя Прикованного» Эсхила: Прометей, объясняя Ио, как пройти «к кочевьям скифов», а потом к землям амазонок, к «теснине Меотийских вод» (Азовскому морю), говорит: «На материк придешь / Азийский из Европы» [30:165]. Скифы и по представлениям древних занимали огромные европейские территории.

Русские-скифы у Блока – народ универсальной природы. Они восприимчивы и к «острому галльскому смыслу», и к «сумрачному

германскому гению» [4:III, 361], они призывают Европу «на братский пир труда и мира» [4:III, 362], они же могут «скинуться азиатами». Такую всечеловечность Белый увидел и в «Скифах», и в Блоке, и в России – «символе судеб всего человечества» [17:39]. Оба поэта имели в виду передающуюся скифам, а через скифов восточным славянам праарийскую ментальность. По Белому, скифы «в себе сохранили что-то от исконного, исконно арийского» [17:39]. Называя немцев «рванью», Блок писал: они «*не арийцы больше*», а «последние арийцы – мы» [4:VII, 318].

Блок описал зависимость Европы от России, которая либо останется щитом «меж двух враждебных рас» [4:III, 360], либо очистит место для битвы, «откроет ворота на Восток», и на Европу «прольется Восток» [4:VII, 317], она испытает ужас азиатской экспансии, которая была реальна в 1918 г.: «Китай и Япония (будто бы по немецким и английским газетам) уже при дверях» [4:VII, 329]. В ноябре 1917 г. американо-японским соглашением признавались особые интересы Японии в Китае, на Дальнем Востоке и в Сибири; 12 января 1918 г. началась японская интервенция на Дальнем Востоке.

И тем не менее Блок в «Скифах» западник. Так его называл Есенин [4:VI, 318]. Клюев – поэт с евразийским мышлением. Имея в виду «Скифов» и свой поэтический сборник «Львиный хлеб» (1922), он говорил, что в его книге – «судьба Запада и Востока», что «Россия примет Восток, потому что она сама Восток, но не будет уже для Европы щитом», что «обретение родиной-Русью своей изначальной родины – Востока и есть Львиный хлеб» [13:54]. Восток – родина, потому что там мир духа; у него Россия – Белая Индия. К Блоку, воспевавшему Россию, он относился с сарказмом: такие стихи мог «с одинаковым успехом написать и какой-нибудь пленный француз 1812 года» [13:61].

Н. Казандзакис, описав в романе «Года-Раба» (1929) встречу в Баку Гераноса (то есть самого Казандзакиса) с Федором Тунгановым (то есть с Клюевым) – великим русским поэтом, который жаждал Востока,

редуцировал в прозу такие строфы из вошедшего в «Львиный хлеб» стихотворения:

Придет караван с шафраном,
С шелками и бирюзой,
Ступая по нашим ранам,
По отмели кровавой.

И верблюжьи тяжкие пятки
Умерят древнюю боль,
Прольются снежные Святки
В ночную арабскую смоль [12:505].

В «Львином хлебе» достаточно и скифских мотивов: «Мы глухие смерчи и громы / Запряжем в земное ярмо!» [12:436], «Забубённо, разгульно и пьяно / Бровь-стрела, степь да ветер в зрачках» [12:447], «Хмура Волга и степь непогожа, / Где курганы пурга замела» [12:447], «Повешенным вниз головою / Косматые снятся шатры / И племя с безвестной молвою / У аспидно-синей горы» [12:488]. Но скифское не умаляет китежского – ни «радужного Рублева» [12:468], ни «ангелка-лампады» [12:469].

В. Хлебников, евразиец по убеждениям, в отличие от Блока и Клюева, не принадлежал к скифскому кружку, но тема Скифии разрабатывалась им целенаправленно. В ней, как в текстах Блока и Клюева, отразились историко-культурные взгляды поэта, в том числе, во-первых, его противопоставление славяно-азиатского единства «ярму Европы» [14:474] и, во-вторых, его восприятие ассимиляции древних народов на территории будущей Российской империи как продвижение русской цивилизации на Восток и как факт спасения Европы от азиатской глобализации.

Само название группы «Гилея» связано со скифами (по Геродоту, Гилея – местность в Скифии). Как сказано в «Скорпионовом рондо» (1914) Б. Лившица: «О, ветер Гилеи, вдохновитель скифов!» [14:121]. Для кубофутуристов Гилея с ее «занесенными летаргическим сном» [14:321]

курганами, в которых находили скифские луки, – символ расслаивающегося времени, нового творения истории, знак условности пространства, первозданной и избыточной материи. Лившиц же писал о «восточничестве» большей части будетлян, которое «носило вполне метафизический характер» [14:480].

Скифы в хлебниковском понимании – народ, повлиявший на мировую историю, ее творивший, но и растворившийся в человечестве. В «Ка» (1915) упомянута Дидова Хата – место, где жили скифы; Лейли играет на струнах времени, и одна из них обозначает год нашествия скифского племени. В «Скуфье Скифа» (1916) поход Ка и автора в скифские земли связан с чаянием будущего государства времени, с поиском бога времени – Числобога. У большинства писавших о Скифии создан образ загадочной страны; если у Блока Россия – Сфинкс, то у Хлебникова «Скифы из Сфинкса по утрам бегают по золотистому песку» [25:537]. Образ скифской истории – каменные бабы («Каменная баба», 1919; «Ночь в окопе», 1920). В основу «Аспаруха» (1911) Хлебников, опираясь на Геродота, положил историю казненного за нарушении скифских обычаев жившего в V в. до н.э. скифского царя Скила; однако автор, веря в единство пространств и времен, назвал героя именем жившего во второй половине VII в. хана протоболгар, основателя Болгарского царства, формировавшегося с участием славянских племен, а в речь скифского воина ввел славянизмы.

Скиф Хлебникова, конечно, человек стихий, страстный в любви к «утравласой деве» и в бою: «Бросают стаи конских тел / Нагие ездоки», «Звенят-звенят тетивы, / Стрела глаз юный пьет. / И из руки ретивой / Летит-свистит копьё» («Скифское», 1908. [25:51 – 52]). Используя в «Семеро» (1912) сюжет Геродота о происхождении савроматов от молодых скифов и амазонок – «дщерей великой Г и л е и», Хлебников скифским экстазом наделяет своих товарищей: это они, «страсти верны», встречают «дев холодных сердцем» [25:80, 82], похищают их мечи и платья и т.д.

М. Цветаева была далека от историософских и геополитических интерпретаций Скифии, ее лирика – отражение только скифского экстаза, для нее скиф – образ безмерности, природности, воли, всего, что порождает поэзию. Ее поразило стихотворение Б. Пастернака «Так начинают. Года два...» (1921) о цыганах – они «от мамки рвутся в тьму мелодий», их «дом – чужбина», их красота «страшная» [18:І, 138]; Пастернак ассоциировал этих детей природы и детей мира с сутью творчества, с естественным рождением стихов. Она не просила, она требовала в письме от 11 февраля 1923 г., чтобы он посвятил это стихотворение ей. Он сам в ее восприятии – явление природы, а его стихи – «бешеная действенность» [26:VI, 234]. Вообще ее письма к нему по поводу «Тем и вариаций» (1923), куда вошел и названный текст, экспрессивны, интонационно нервны, как и ее цикл «Скифские» – три стихотворения, которые она написала под явным впечатлением от «Тем и вариаций» 11, 13 и 14 февраля 1923 г. Возможно, именно стихотворение «Так начинают. Года два...» побудило ее к «Скифским». Все, что она видела в пастернаковской поэзии – бешеный ритм, изнеможение в звуке, страстность, ожог, – есть в «Скифских». Она и о себе ему написала 9 марта: «В жизни я безмерно дика, из рук скольжу» [26:VI, 240]. Сравним со строками из «Тем и вариаций»: «Так это было. Тогда-то и я / Дикий, скользящий, растущий / Встал среди сада рогатого / Призраком тени пастушьей» («С полу, звездами облитого...»). [18:І, 128].

«Скифские» – тоже, по сути, письмо, обращенное к Пастернаку, особенно первое стихотворение «Из недр и на ветвь – рысями!..», написанное в один день с письмом о «Так начинают. Года два...». Это между ней и им лежит Скифия («верст – тысячи»), она имеет в виду себя и его в строках: «Разменной стрелой встречною / Когда-нибудь там – спиемся!». Он и есть сириец: «И спи, молодой, смутный мой / Сириец, стрелу смертную / Леилами – и – лютнями / Глуша...» [27:587]. Сравним со строкой Пастернака из «Тем и вариаций»: «Стой! Ты похож на сирийца» («Облако. Звезды. И сбоку...»). [18:І, 125]) . У Пастернака на сирийца похож Алеко, оказавшийся в

цыганском таборе («Табор глядит исподлобья, / В звезды мониста вперив» [18:І, 125]). Так цветаевский образ сирийца (Пастернака) сообщается с полюбившимся ей «Так начинают. Года два...»¹. И она словно подтверждает пастернаковскую ассоциацию, показывает, как природность, стихийность природы порождает поэзию, именно за счет органики ее стих экспрессивен, в нем энергетика и мускулатура: тире, восклицания, вопросы, отточия, аллитерация на «с», н «ш», «л», «р», акцент на каждое слово.

Было и неприятие скифства. Мандельштаму близок современник-эллин, которому угрожает варварство: «Встал, и звериная зевота / Напомнила твой образ, скиф!» («О временах простых и грубых...», 1914. [15:І, 94]); «Когда-нибудь в столице шалой / На скифском празднике, на берегу Невы – / При звуках омерзительного бала / Сорвут платок с прекрасной головы» («Кассандра», 1917. [15:І, 119]). Пастернак в сфинксе видит, в отличие от Блока, не скифскую Россию, а образ предка Пушкина – потомка «плоскогубого хамита»: «Скала и Пушкин. Тот, кто и сейчас, / Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе / Не нашу дичь: не домыслы в тупик / Поставленного грека, не загадку» («Тьма», 1923 [18:І, 121]). В «Царице Вьюг» (1921) Ф. Зелинский и показал эту скифскую «дичь». Бердяев сторонился идеологии скифства – «маски Диониса»: современные скифы поют гимны докультурному состоянию, в них «языческий национализм, переходящий в нехристианский и антихристианский мессианизм» ([3:260]). В «Скифе» (1931) Р. Гуля Бакунин-скиф – убежденный разрушитель, которого не остановят массовые жертвы. Но в большинстве случаев скиф в сознании человека первой трети XX в. – не поддающаяся простым толкованиям сила, а Скифия – страна, порождающая красивые легенды, вроде бальмонтской: богатый золотом край, восемь месяцев там холод, «все пути туда заляты», у преддверья той страны всходят льды, никто там

---

¹ Свою роль могла сыграть и внешность Пастернака; из дневника Т. Мачтета: «Выглядит он каким-то арабом, смуглым, черным, одетым по-весеннему, он очень импонирует». Цит. по: Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. М.: Водолей, 2014. С. 349.

«ни стар, ни молод», над той страной летает «золотисто-изумрудный», «многоликий, многочисудный» змей («Страна исседонов», 1900. [1:190]).

Литература

1. Бальмонт К. Стихотворения / Вступ. статья, сост., примеч. В. Орлова. Л., 1969.
2. Бахрах А. По памяти, по записям // Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. М., 2005.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
4. Блок А. Собр.соч.: В 8 т. / Общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М. – Л., 1960.
5. Борис Пильняк: «Нас с тобой черт ниточкой связал» / Вступ. статья, публ., коммент. К. Андроникашвили-Пильняк // Наше наследие. 2004. № 69.
6. Брюсов В. Собр.соч.: В 7 т. / Общ. ред. П.Г. Антокольского, А.С. Мясникова, С.С. Наровчатова, Н.С. Тихонова. М., 1973.
7. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М, 2002.
8. Гуляев В.И. Скифы: Расцвет и падение великого царства. М., 2005.
9. Державин Н.С. Происхождение русского народа. Минск, 2009.
10. Иванов В. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья С.С. Аверинцева, сост., примеч. Р.Е. Помирного. Л., 1976.
11. Иванов-Разумник Р.В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000.
12. Клюев Н.А. Сердце Единорога / Предисл. Н.Н. Скатова, вступ. статья А.И. Михайлова, сост. и примеч. В.П. Гарнина. СПб., 1999.
13. Клюев Н. Записи разных лет / Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. статья А.И. Михайлова, сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб., 2003.
14. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец / Вступ. статья А.А. Урбана, сост. Е.К. Лившиц и П.М. Нерлера, примеч. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса, Е.Ф. Ковтуна. М., 1989.
15. Мандельштам О. Соч.: В 2 т. / Вступ. статья С.С. Аверинцева; сост. П.М. Нерлера; коммент. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. М., 1990.
16. Нечволодов А. Сказания о Русской Земле: В 4 кн. Кемерово, 1991.
17. Памяти Александра Блока: Андрей Белый, Р.В. Иванов-Разумник, А.З. Штейнберг. Томск, 1996.
18. Пастернак Б. Избранное: В 2 т. / Вступ. статья Д.С. Лихачева, сост., коммент. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. М., 1985.
19. Перевезенцев С. Россия: Великая судьба. М., 2005.
20. Розанов В.В. Гоголь // Розанов В.В. Собр.соч.: О писательстве и писателях / Общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1995.
21. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995.
22. Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы, 1912 – 1925. Проза, 1915 – 1925. Сост., общ.ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995.
23. Скифы. 1917. № 1.
24. Солнцева Н.М. Китежский павлин. Филологическая проза: Документы. Факты. Версии. М., 1992.
25. Хлебников В. Творения / Общ. ред., вступ. статья М.Я. Полякова, сост., коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса. М., 1987.
26. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995 / Вступ. статья А. Саакянц, сост., коммент. Л. Мнухина.
27. Цветаева М. Книги стихов. / Сост, коммени., статья Т.А. Горьковой. М., 2006.
28. Шмелев И. Собр.соч.: В 5 т. (доп. 6 – 8) / Сост., предисл. Е.А. Осьминой. М., 1998 – 2000.
29. Шрадер О. Индоевропейцы. М., 2009.

30. Эсхил. Трагедии / Пер. С. Апта; коммент. Н. Подземской. М., 1978.

[Историко-литературное наследие. Российское научное издание. 2010. № 4. С. 147 – 159]